

© 2018 г.

В.Н. ЖУКОВ

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ЦЕННОСТИ

Жуков Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия) (E-mail: pifagor2002@mail.ru).

Zhukov Vyacheslav N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, professor of department of theory of state and law and politology of the law faculty of Moscow state University named M. V. Lomonosov (Moscow, Russia) (E-mail: pifagor2002@mail.ru).

Аннотация: в статье рассматривается связь между юридической наукой и ценностями. Наука показывается как феномен культуры, базирующийся на ценностных установках, всегда субъективных по своей природе. Анализируется влияние ценностей на отраслевую и фундаментальную юридическую науку.

Abstract: the article examines the relationship between legal science and values. Science is shown as a phenomenon of culture based on the value orientations, is always subjective in nature. Analyzes the influence of values on branch and fundamental legal science.

Ключевые слова: юридическая наука, философия права, догма права, социология права, общая теория права, социальная наука, ценности.

Key words: legal science, philosophy of law, dogma of law, sociology of law, General theory of law, social science, values.

Мировоззрение, научная картина мира и ценности

Под наукой обычно понимают: 1) совокупность знаний об окружающем мире; 2) методологию познания; 3) сферу человеческой деятельности. Во всех трех случаях в центре стоит человек, стремящийся освоить мир в интеллектуальном, духовно-практическом и материальном отношении. Наука хотя и является отражением объективных свойств вещей, представляет собой категорию субъективную, глубоко пронизанную мотивами собственно человеческого бытия. Наука — один из элементов человеческой культуры, т.е. феномена, созданного самим человеком и для человека. Культура — “вторая природа” человека, создавая ее, он творит как внешний, окружающий его предметный мир, так и свою собственную духовность, свое духовное бытие. В основании культуры лежат ценности, определяющие ее состав, качество и направления развития. Поскольку ценностные установки субъективны (хотя и определяются объективными условиями жизни людей), универсалии культуры также субъективны, относительно и весьма подвижны (зависят от времени и места). Наука как культурная ценность — не исключение, она субъективна в том смысле, что отражает ценностные установки человека, его отношение к миру. Так, первые зачатки научного мышления наблюдаются уже в эпоху неолита. Первобытному человеку, чтобы добыть огонь, создать орудия труда

и предметы обихода, возвести жилище, необходимо было установить свойства природных материалов. Знание становится одним из средств физического выживания человеческого рода, а потому приобретает свойство ценности весьма высокого порядка. Человек, выделяя себя из мира вещей, противопоставляет себя ему как субъект объекту. Уже первобытные формы общественного сознания демонстрируют противопоставление субъекта и объекта: человек воспринимает окружающий его мир как нечто ему противостоящее и требующее какой-то оценки с целью определения алгоритма своего поведения. В данном случае протонаучное познание встраивается в субъект-объектные отношения, становясь органической частью ценностного сознания.

На субъективизм и ценностную природу научного познания и сознания указали Кант и его последователи. Отправная точка кантианства — тезис о субъективной природе человеческого знания: познание имеет дело не с объективными свойствами “вещей в себе”, а с априорными формами разума. По Канту, сущность “вещей в себе” никогда не может быть познана, поскольку человеческий разум, ограниченный врожденными и неизменными формами восприятия действительности, познает в конечном счете самого себя. Неокантианцы предложили устранить противопоставление познающего субъекта и “вещи в себе” при помощи сведения второго к первому. В этом случае действительность

становилась проекцией познающего сознания, онтология сводилась к логике, объективные закономерности бытия отрицались и заменялись априорными законами разума. Познающий субъект, изучая предмет, фактически творил его в собственном сознании, реальность представляла в качестве совокупности понятий о ней. В конечном счете неокантианцы марбургской и баденской школ видели в культуре (а значит, и в науке как ее части) самополагание развивающегося разума, существующего в соответствии с законом долженствования. Мироздание, человеческая история, общество, государство, право, согласно неокантианцам, есть не объективные “вещи в себе”, а трансцендентально-логические построения познающего субъекта.

Эпоха Возрождения и европейское Просвещение сформировали мифологему модернизма, в соответствии с которой могущество человеческого разума не знает границ, наука и техника, поставив силы природы на службу человеку, способны стать основой “земного рая” (термин А. И. Герцена). Естественнонаучные подходы были перенесены в обществоведение, где в XIX–XX вв. появились теории об обществе абсолютной гармонии (либерализм, анархизм, социализм, фашизм). Была проведена простая аналогия: если в области живой и неживой природы наука и техника добились выдающихся результатов, то почему в социальной жизни не может быть того же. На разные лады воспроизводилась мысль о неограниченных возможностях социальной инженерии. Показательным симптомом такой интеллектуальной атмосферы стало появление социологии — науки, претендовавшей на универсальность, строгую доказательность и высокую практическую значимость. Основатель социологии О. Конт попытался объединить естественнонаучное и обществоведческое знание, открыть на этой основе законы социальной организации и дать практические рекомендации по устройству общественной жизни. В итоге у него получилась очередная утопия (социократия), реализация которой превратила бы жизнь людей в ад. Идеей социальной инженерии пронизан исторический материализм, растворивший личность в детерминистской зависимости и представивший человечество в качестве поезда, увереннодвигающегося в сторону коммунизма. Ярче всего социальная инженерия представлена в фашистской идеологии, предложившей проект идеального общества на основе ксенофобии, единомыслия и тоталитарной власти. В германском национал-социализме данный подход достигает своего апогея: с помощью генетики предлагалось создать особую, высшую расу, осуществляющую господство миром. В либерализме XIX, XX, начала

XXI в. господствует та же сциентистская установка: наука и техника позволят человечеству достичь материального изобилия, совершенным образом организовать социальное устройство и на этой основе сделать человека счастливым (вспомним формулу Т. Джефферсона о праве человека на жизнь, на свободу и на стремление к счастью). Во всех перечисленных теориях упор делается на разумность человека, его способность рационально организовать свою жизнь.

Действительно, рациональное устройство человеческой жизни нельзя отрицать, разумность наблюдается практически во всех ее сферах: хозяйстве, организации власти, брачно-семейных отношениях и т.д. Вместе с тем нельзя не видеть ущербность любых социальных форм, коренящихся в несовершенстве самой человеческой природы. Заслуга Канта как раз в том и состоит, что он показал ограниченные возможности разума, познать можно только явления, суть вещей для нас недоступна. Агностицизм, являя собой здоровый скептицизм в гносеологии, утверждает, что природный и социальный миры до конца не познаваемы, всегда будет существовать иррациональный остаток, ломающий логику естественных и общественных наук. Так, астрономия, физика, химия, биология не привели и, по-видимому, не могут привести к решению центральных мировоззренческих вопросов о первоначалах бытия: источник мироздания находится в нем самом или это акт Творца; жизнь зародилась сама по себе или по воле Бога; сознание человека после его смерти погибает или продолжает жить в других, неизвестных нам формах? Здесь мы имеем старую дилемму знания и веры, построенной на оппозиции ценностей. В традициях европейского Просвещения конфликт науки и веры обычно подавался как конфликт знания и невежества, научного прогресса и мракобесия, что весьма показательно. Казалось бы, знание и вера существуют в разных плоскостях человеческого бытия и не должны особенно пересекаться и вступать в конфликт друг с другом. Противостояние между богословием и наукой (естествознанием), конечно, были, но они не носили разрушительный характер. Интенсивное развитие в Европе науки и техники доказывает тот простой факт, что религия и церковь были в целом терпимы к научным новшествам, особенно когда дело касалось совершенствования вооружений, орудий труда и улучшения социальной инфраструктуры. Тем не менее конфликт был, и происходил он на ценностной основе. Конечный пункт расхождений выглядел так: вера в науку, в разум человека или вера в Бога. Как видно, обе позиции пронизаны единой ценностной установкой, а именно — верой, только в одном

случае это — вера в науку, в другом — вера в Бога. Данная дискуссия до настоящего времени не разрешена и разрешена быть не может, но она показательна тем, что наука как элемент культуры имеет и ценностную природу тоже. Движущие мотивы науки и техники — не только жажда познания и практические потребности, но также смысл, цели и этическая обоснованность.

Ценностный компонент науки наглядно проявляется в такой важной сфере человеческого бытия, как мировоззрение, под которым обычно понимают систему принципов, взглядов, ценностей, идеалов и убеждений, определяющих отношение к действительности, общее понимание мира, жизненные позиции, программы деятельности людей. Мировоззрение включает в себя мировосприятие (мироощущение; эмоционально-психологическая сторона мировоззрения) и миропонимание (познавательная-интеллектуальная сторона мировоззрения). Оно есть неотъемлемое свойство, потребность человеческого разума, способ духовно-практического освоения мира человеком в единстве его теоретического и практического отношения к действительности. Мировоззрение возникает у людей потому, что они нуждаются в осмыслении мироздания. Благодаря мировоззрению люди вносят смысл в окружающий их мир. Мировоззрение выражается в системе категорий, благодаря которым складывается обобщенная модель мира. Иначе говоря, люди смотрят на мир не непосредственно, а через призму своего мировоззрения, которое задает тот или иной угол зрения на вещи. В данном процессе научные знания о мире и ценностные установки личности причудливым образом переплетаются. С одной стороны, индивид, чтобы внести смысл в окружающий его мир, хочет знать его объективные свойства, с другой — свойства вещей сразу же получают у индивида какую-то оценку и становятся ценностями (позитивными или негативными). Познание вещей и придание им статуса ценностей — единовременный и взаимосвязанный процесс, предопределяющий дальнейшие научные исследования. Данная познавательная процедура воплотилась, в частности, в концепции парадигмы Т. С. Куна. Парадигма, в его понимании, — это система норм, ценностей, теорий, традиций, методов, фактов, образцов деятельности, признаваемых данным научным сообществом. Парадигма определяет этапы научного познания: “1) начальная допарадигмальная стадия развития науки характеризуется наличием различных точек зрения, отсутствием фундаментальных теорий, общепризнанных методов и ценностей; 2) затем возникает консенсус членов научного сообщества и создается единая парадигма;

3) на ее основе осуществляется нормальное развитие, накапливаются факты, совершенствуются теории и методы; 4) в этом процессе возникают аномальные факты, приводящие к кризису, а затем и к научной революции; 5) в результате такой революции возникает новая парадигма. Далее весь процесс повторяется снова”¹.

Мировоззрение людей менялось по мере смены исторических эпох: от мифологического и религиозного до научного. Если мифологическая и религиозная картины мира формировались с опорой на веру в сверхъестественные силы, то в основе научного мировоззрения лежит авторитет знания об окружающем мире. Если религия, отстаивая ценности консерватизма, опирается на догмы и веру, наука исповедует ценности свободного поиска. Казалось бы, между религиозно-мифологическим и научным сознанием лежит четкая грань, разделяющая два принципиально разных типа мировоззрения, по-разному использующих научные данные. Если в контексте религиозно-мифологического мировоззрения научное знание — инструмент, при помощи которого обосновывается идея божественного творения, в научной картине мира знание самоценно и выступает в роли системообразующего элемента. Вместе с тем соотношение религиозно-мифологического и научного мировоззрения много сложнее, чем принято об этом думать. Чаше всего руководствуются установками, идущими от европейского Просвещения: светское, научное мировоззрение, порывая с религией и церковью, демонстрирует более высокий тип культуры, основанный на свободомыслии и культе знания. Однако следует признать, что естествознание и тем более обществознание не способны дать исчерпывающие ответы на запросы человеческого разума. Научное знание освещает лишь механизм явлений, их причина, первоисточник продолжают оставаться “вещью в себе”. Наука “в границах разума” (а она всегда находится в границах человеческого разума, о чем часто забывают) при всем своем стремлении к беспредельному познанию предел этот имеет. Наука способна заполнить лишь незначительный сегмент мировоззрения, оставшаяся, преобладающая его часть продолжает оставаться областью догадок и гипотез. Это означает, что так называемое научное мировоззрение при всех своих амбициях и претензиях в своих главных установках вынуждено опираться на религию и миф. История науки свидетельствует, что даже

¹ Андрианова Т.В., Ракитов А.И. Философия науки и эволюционистская эпистемиология Т. Куна // Критика современных немарксистских концепций философии науки. М., 1987. С. 85.

в XIX и XX вв., когда формируется классический атеизм, быть приверженцем которого для человека науки считается признаком хорошего тона, огромное число представителей естествознания оставались глубоко верующими людьми. Выглядит вполне естественным и нормальным, когда биолог, физик, химик или астроном, занимаясь своими специальными вопросами, при разработке наиболее общих научных гипотез обращаются к метафизике и религии. В данном случае такой подход смотрится не как отступление от науки, а как естественное стремление дополнить науку этикой, т.е. внести в науку и научную деятельность ценностный компонент. Без такого ценностного компонента наука как сфера исключительно человеческой деятельности невозможна и немыслима.

Ценностный смысл науки проявляет себя, когда речь заходит о прогрессе в науке. В отличие от эволюции, под которой понимается ненаправленное изменение, прогресс всегда предполагает шкалу ценностей, в соответствии с которой изменение становится направленным и приобретает статус развития. Развитие является прогрессивным или регрессивным в зависимости от оценки, данной ему человеком, т.е. человек, опираясь на свои ценностные предпочтения, вносит смысл в явления окружающего мира, наделяя их ценностными свойствами. Таким образом, прогресс или регресс в науке — вещь принципиально субъективная, зависящая не от объективного положения дел, а от специфики позиции, на которой стоит человек или группа людей. Идея прогресса в науке не существует сама по себе, она привносится в нее человеком. Исходя из сказанного, можно утверждать, что главный ценностный критерий, положенный в основу идеи прогресса в науке, — ее полезность для людей. Прогресс в науке означает, что знания, добываемые ей, адекватны окружающему миру, могут быть поставлены на службу человеку и делают жизнь людей более комфортной и независимой от природных и социальных невзгод. Прогресс в науке может также означать накопление знания, не влияющего на практическую жизнь людей (например, открытия в астрономии), но помогающего осмысливать мироздание. В данном случае идея прогресса также имеет ценностную основу, так как в науку вносится мировоззренческий элемент. Знание, добываемое фундаментальной наукой и не имеющее сиюминутной практической значимости, ценно тем, что оно расширяет наше представление о мире, способствует духовно-практическому его освоению на новом, более высоком уровне. И наконец, о прогрессе в науке говорят тогда, когда она демонстрирует более высокий уровень своей собственной организации, системности

и устойчивости, совершенствование ее исследовательских средств. Здесь наука вроде бы приобретает самоценный характер, говорящий о ее независимости от общественных потребностей. Однако это только видимость, так как очевидно, что вне связи с практическими задачами общества говорить о самоценности науки не приходится, как, например, не приходится говорить о самоценности далекой звезды, свет от которой идет до Земли миллионы лет. Повышение уровня самоорганизации науки назовут прогрессом только тогда, когда данная наука будет иметь хоть какую-то ценность для человека.

Прогресс в естествознании и обществознании проявляет себя по-разному. Прогресс в естественных науках обнаруживается прежде всего в кумулятивном наращивании знания, которое по мере своего накопления развивается по пути расширения, углубления, дифференциации и интеграции. Последующие открытия, сделанные, например, в области физики, химии или биологии, естественным образом основываются на предыдущих открытиях. Бывает так, что новые открытия приводят к радикальному переосмыслению ранее приобретенного знания, переводя его, условно говоря, из разряда абсолютного и первостепенного в относительное и частное (так, например, произошло с механикой Ньютона после открытия Эйнштейном теории относительности). При этом ранее приобретенное знание продолжает оставаться основой современных исследований, оно не отвергается, но лишь переосмысливается в контексте новых открытий. Благодаря кумулятивному свойству естествознания человечество наращивает свои возможности в деле овладения силами природы. Накопление знания — не механический процесс, сводящийся к простому сложению научных открытий. Кумуляция знания влечет за собой перерастание количества в качество. С течением времени научная деятельность интенсифицируется, многократно ускоряется и в XX в. перерастает в подлинную научно-техническую революцию.

В обществоведении наблюдается совсем другая картина. Прогресс в общественных науках — вещь относительная, условная, это скорее фигура речи, чем реальное положение дела. Действительно, обществоведение называют наукой, перенося на нее свойства естествознания и давая общественной науке аванс, который она, как правило, не оправдывает. Если в социальных науках и наблюдается кумулятивный эффект, то весьма слабо и невыразительно. Это связано с тем простым и очевидным фактом, что в общественной жизни весьма слабо представлены какие-либо закономерности.

Все законы и зависимости, имеющие место в обществе, обусловлены двумя вещами: биологической природой человека и условиями его жизни (природными и материальными). Однако, в отличие от животного, поведение которого определяет инстинкт, деятельность человека в решающей степени зависит от сознания и воли. Как верно заметили основоположники марксизма, собственно человеческое поведение отличает творческая деятельность по созданию орудий труда и своей собственной социальной среды. А целеполагающая, творческая деятельность людей хотя и обусловлена объективными факторами, всегда предстает в виде уникального факта истории, который никогда и нигде больше не повторится. Отсутствие внятных и очевидных социальных законов ведет не к кумулятивному нарастанию знания, а к появлению школ и направлений, соперничающих между собой и отвергающих друг друга. Со времен Аристотеля происходил не последовательный прирост знания, связывающий в систему предыдущие и последующие результаты исследований, а их механическое сложение, приведшее к образованию в начале XXI в. громадного конгломерата из взаимоисключающих идей, подходов и исходных принципов. Строго говоря, здесь мы имеем дело не с прогрессом, а с эволюционным изменением знания. Да, с течением времени оттачивается, дифференцируется понятийный аппарат, социальные доктрины становятся все более тонкими и сложными, но вряд ли это говорит о большом прогрессе гуманитарного знания. Огромный массив текстов, имеющийся на настоящий момент, не столько демонстрирует некую сумму знаний об обществе в виде системы социальных законов, сколько фиксирует различные пласты истории путем ее детального описания. Если новизна в естественных науках определяется открытием новых законов, то новизна в общественном знании состоит в описании и анализе новой исторической ситуации. Если прирост естественнонаучного знания создает предпосылки для открытия новых законов природной материи, то прирост гуманитарного знания такого эффекта не имеет, потому что последующий исторический этап будет такой же уникальный, как и предыдущий (его можно только описать, вывести из него общие законы почти невозможно). Если прогресс в естественных науках определяется по большей части усилением их роли в овладении силами природы, то прогресс социальных наук в основном связан с формированием мировоззрения, способного адекватно отразить историческую эпоху. Иногда говорят о тесной зависимости между прогрессом в общественной науке и прогрессом самого общества и едва не отождествляют эти два

явления. На основании того факта, что социальные формы становятся более совершенными, эффективными и гуманными, делается вывод, что это заслуга общественной науки. Например, отказ от пыток, мучительных видов наказания, политического деспотизма, варварских средств ведения войны связывается с ростом гуманитарного знания, тогда как на самом деле все это отнюдь не следствие открытых социальных законов и даже не результат изменившейся морали, а специфика новой исторической ситуации, которая позволяет обществу жить таким образом. В случае существенного изменения социальных условий современные так называемые цивилизованные государства вполне могут вернуться к архаической политической практике. Никакое гуманитарное знание здесь не сможет служить препятствием.

Догматическая юриспруденция и ценности

Главная цель отраслевой юридической науки — разработка юридической догматики в качестве основы позитивного права. Догматическая юриспруденция изучает действующее позитивное право, выводит из него нормы, принципы и конструкции, соединяет их в систему и предлагает законодателю в виде официального источника права. Особенность отраслевой юридической науки состоит в том, что она имеет дело с реальностью, так сказать, второго порядка. Если, например, социология права изучает право как социальный феномен, коренящийся в природе самой социальной материи, то догматическая юриспруденция рассматривает право, представленное в качестве воли законодателя. Используя классификацию Кельзена, догматическую юриспруденцию следует отнести к нормативным наукам, т.е. таким, которые исследуют мир должного. Воля законодателя, творящая позитивное право, создает специфический мир должного, предлагая людям жить по его законам. Реальные общественные отношения и позитивное право — это тот неизбежный дуализм, который определяет оппозицию сущего и должного. Идеалисты и материалисты по-разному отвечали на вопрос о соотношении сущего и должного, о первичности одного перед другим, но наличие данной оппозиции признавалось всегда. Всегда фиксировалось то или иное фактическое положение дел в обществе, и всегда имелся в виду некий идеал, модель оптимальной организации общества. В этом смысле противопоставление сущего и должного, фактического и идеального — в природе вещей. Позитивное право и фактические отношения — яркий пример такой оппозиции.

Идеалисты полагают, что мир должного не выводим из мира сущего, самодостаточен и является абсолютной основой фактических отношений. В конечном счете данная позиция апеллирует к Богу как к источнику тварного мира. Именно Бог (“мировой разум” у Гегеля, “идея” у Платона) создает тот идеальный план, те стандарты поведения, которые человек реализует в своей жизни. Материалисты, напротив, выводят мир должного из сущего, из условий эмпирической жизни людей. Императивы поведения, по их мнению, задаются природными и социальными условиями, с которыми приходится считаться. В любом случае мир должного воспринимается как позитивная ценность, к которой следует стремиться. Мир должного предстает той ценностью, воплощение которой в реальной жизни рассматривается как ее категорическое требование. Соответственно, оппозиция “сущее и должное” естественным образом предстает в качестве оппозиции “бытие и ценности”. В отраслевой юридической науке противостояние бытия (сущего) и ценностей принимает вид дуализма фактических общественных отношений и норм позитивного права. У Кельзена мы находим мысль, что норма есть отражение некоего факта реальности, и в этом смысле она несет с собой положительную ценность. Норма потому и устанавливается, что имеет позитивную ценность. “Установление норм есть не что иное, как фиксация понятия блага”². Норма — это соответствие должному, т.е. чему-то положительному с точки зрения ценностного подхода: “Поведение, соответствующее норме, обладает положительной ценностью; поведение, противоречащее норме, обладает отрицательной ценностью”³. Иначе говоря, в известном смысле норма конституирует ценность. Кроме того, норма закладывает основу для ценностного суждения, сама же норма не обладает ни истинностью, ни ложностью, она лишь действительна или недействительна⁴.

Кельзен как будто впадает в некоторое противоречие, утверждая два взаимоисключающих тезиса: с одной стороны, норма становится ценностью, отражая факт реальности, с другой — норма конституирует ценность, т.е. сам факт реальности. В первом случае норма производна от факта, во втором — выступает основой ценности (блага). Здесь уместно вспомнить идею нормативного факта, заявленную Л. И. Петражицким и развитую впоследствии Г.Д. Гурвичем. Нормативный факт — это органическое и равноправное соединение

нормы и факта, где каждый компонент конституирует друг друга. В интерпретации Гурвича (его теории “идеал-реализма”) это звучит так: «Для того чтобы “нормативный факт” мог рассматриваться как нормативный, ему нужно обосновать себя в качестве такового: воплощаемые им ценности должны найти свое обоснование как позитивные ценности, утвердиться как связанные со справедливостью и как служащие моральному идеалу»⁵. Иными словами, факт, несущий с собой ценность справедливости, становится нормативным фактом, т.е. нормативность отождествляется с ценностью. Здесь позиции Кельзена и Гурвича почти сближаются: оба, различая факт, норму и ценность, говорят о неразрывном единстве всех трех элементов. Мотивация такого подхода очевидна: обосновать связь между миром сущего и миром должного, бытием и ценностями, между нормами позитивного права, правоотношениями и фактическим правопорядком, между позитивным правом и жизнью. Так, Кельзен почти отождествил право, государство и правопорядок, представив дело таким образом, будто все три компонента вырастают из одного источника — основной нормы. Гурвич предложил рассматривать официальные источники права как отражение нормативных фактов: «Закон, статут, договор, обычай сами по себе являются причиной позитивности в праве только в той мере, в какой они представляют собой выражения или, точнее говоря, констатацию первично существующих “нормативных фактов”. Вся властная сила этих вторичных источников представляет собой лишь отражение властной силы “нормативных фактов”, которые как создающие самое себя через образование ими права воплощают позитивные правовые ценности и гарантируют самим своим существованием “эффективность правовых норм”»⁶.

Кельзен и Гурвич точно указали на одну из главных проблем отраслевой юридической науки, правотворчества и правоприменения. Позитивное право устанавливается для того, чтобы регулировать поведение людей, и если оно этого не делает или делает неэффективно, ценность такого права ставится под сомнение. Способность позитивного права (должного) воздействовать на фактические общественные отношения (сущее) — центральная тема догматической юриспруденции. И отраслевые, и теоретические права задаются вопросом: благодаря каким механизмам нормы позитивного права претворяются в жизнь, что заставляет людей

² Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. М., 2015. С. 29.

³ Там же.

⁴ См.: там же. С. 32.

⁵ Гурвич Г.Д. Идея социального права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избр. соч. СПб., 2004. С. 155.

⁶ Там же. С. 159.

исполнять требования права, что лежит в основе правового регулирования — государственное принуждение, психологические стереотипы, императивы сознания, аргументы в него заложенные? Разрыв между нормой и правоотношением очевиден, и, видимо, должна состояться масса условий, чтобы норма вошла в ткань общественного отношения и должно стало сущим. Подходы, предложенные Кельзеном и Гурвичем, — это, по сути, только гипотезы, “основная норма” или “нормативный факт” — всего лишь научные фикции из области юридической метафизики, необходимые для объяснения связи сущего с должным, бытия с ценностями. Оба автора предложили свои модели такого взаимодействия, но нельзя сказать, чтобы это привело к решению проблемы эффективности правового регулирования. Власть, создавая нормы позитивного права, осуществляет целеполагающую деятельность, отталкиваясь от ценностей, избранных ею в качестве базовых. При помощи позитивного права власть стремится внедрить свои ценностные установки в общественное сознание, создав тем самым основу для эффективного правового регулирования. Проблема, однако, состоит в том, что подвластное население имеет свои ценности, живет в соответствии с ними и, как правило, не готово добровольно с ними расставаться. Более того, базовые ценности народа не в состоянии вытравить ни одна власть, даже используя методы массового террора. Как невозможно прыгнуть выше своей головы, так невозможно народу (этносу, нации) отказаться от своих ценностей и перестать быть самим собой. Таким образом, в процессе правотворчества и правоприменения имеется конфликт не между должным и сущим, а между должным и должным, между двумя ценностными системами. За оппозицией нормы и факта, нормы и общественного отношения в конечном счете стоит конфликт ценностей, решить который можно только на основе взаимного компромисса, взаимного признания ценностей друг друга. Это значит, что отраслевая юридическая наука, разрабатывая догматику, не просто творит некие новые ценности, но пытается адаптироваться к ценностям общества. Юридическая догма, претендующая быть эффективной, призвана не столько тиражировать присущие ей ценности в сферу реальных отношений, сколько обязана вобрать в себя ценностные установки мира сущего. В этом смысле нормативная природа факта у Гурвича есть не что иное, как ценность, найденная в жизни и сформулированная в виде нормы. Кельзен, отождествляя право, государство и правопорядок, относил все три компонента к миру должного, видимо, на том основании, что все они являются

элементами единой ценностной системы, принадлежат к одному миру ценностей. И здесь он абсолютно прав, поскольку невозможно представить эффективно действующую правовую систему без такого ценностного единства. Ценности, единые для власти и подвластных, требуют от людей исполнения закона.

Отраслевик, создавая догматику и перенося ее в позитивное право, рассчитывает, что люди, ведя себя разумно и целеполагающим образом, будут соблюдать нормы права. Но на какой механизм будет опираться правовое регулирование — на страх наказания, на сознание собственной выгоды или на ценностные императивы? Что ложится в основу правовой политики власти — идея естественного порядка, в которую включен человек, или идея должностования? Говоря языком кантианства, человек одновременно принадлежит к двум мирам — феноменам и ноуменам, миру природы и миру культуры. Физическое тело индивида подчинено природной необходимости, включено в причинно-следственные связи, в качестве разумного и морального существа индивид принадлежит сфере свободы. Государство и право также принадлежат к двум мирам — природному и культурному: с одной стороны, политико-правовые явления вырастают из материальных интересов масс, с другой — являются актом свободного духовного творчества. Правомерное поведение — это способ жизни подавляющего большинства людей, это основа их безопасного коллективного существования, оно отвечает их коренным интересам. Вместе с тем правонарушения — также массовое, в известном смысле типичное поведение, присущее большинству общества. И правомерное поведение, и противоправное может быть как результатом естественной необходимости, так и следствием свободного выбора. Соблюдать закон можно как из страха наказания, намереваясь приобрести необходимый лицу комфорт и безопасность, так и руководствуясь требованием долга. Мотивы преступного поведения также разные. Совершают преступление, руководствуясь, например, материальной выгодой или чувством мести. Человек, идущий на преступление, как правило, не оглядывается на закон, руководствуясь своими целями, интересами и ценностями. Как бы это не выглядело парадоксальным, но преступник, нарушая закон и идя против общепризнанных ценностей, проявляет себя как свободное существо, реализуя собственные ценностные установки и создавая тем самым свой мир должного.

Если догматическая юриспруденция — наука нормативная, имеющая дело с поведением,

отнесенным нормами позитивного права к миру должного, то какое отношение она имеет к реальному поведению людей, включенного в причинно-следственные связи? Каузальная детерминированность, очевидно, противостоит свободной воле. Можно, конечно, утверждать вслед за Спинозой и Марксом, что свобода есть познанная необходимость, что свобода детерминирована условиями природного и социального бытия, но отсюда свободный акт человеческого поведения не перестает быть в значительной мере иррациональным. Кельзен, поднимая данную проблему, не видит противоречия между каузальностью и свободой. Он исходит из так называемого принципа вменения, что в контексте его теории означает связь между условием и последствием, установленными нормой. Если в естествознании закон устанавливает связь между причиной и следствием как явлениями природы, то в правоведении закон отражает связь между поведением человека и санкциями. Внешняя аналогия есть, но сфера приложения обоих законов разная: в первом случае речь идет о природе, во втором — о мире культуры, мире должностования и ценностей. Правоведение, подчеркивает Кельзен, выявляет не причинную, а нормативную связь между элементами своего предмета⁷. “Не свобода, т.е. каузальная недетерминированность воли, но — как раз наоборот — каузальная детерминированность воли делает возможным вменение. Человек вменяем не потому, что он свободен, но он свободен потому, что он вменяем. Верно, что свобода и вменение по самой своей сути связаны. Но эта свобода не может исключать каузальность и на самом деле вовсе ее не исключает. Если утверждение о том, что человек как моральная или юридическая личность свободен, имеет хоть какой-то реальный смысл, то эта моральная или юридическая свобода должна быть совместима с каузальной детерминированностью человеческого поведения. Человек свободен в силу того, что награда, покаяние или наказание в качестве последствия вменяются определенному поведению как условию; не потому, что это поведение каузально недетерминировано, но вопреки тому, что оно каузально детерминировано, — и даже вследствие того, что оно каузально детерминировано. Человек свободен потому, что это его поведение есть конечный элемент в цепи вменения. И оно может быть конечным элементом, даже если оно каузально детерминировано. Следовательно, между каузальностью естественного порядка и свободой морального или правопорядка нет никакого противоречия, равно как и между

естественным порядком, с одной стороны, и моральным или правопорядком — с другой, нет и не может быть никакого противоречия, так как первый из них — порядок бытия, а два других — порядки должностования”⁸.

В данной позиции больше формализма и схоластики, чем беспристрастного научного подхода. Принцип вменения сильно отдаст юридической демагогией, призванной подтвердить монополию государства на принуждение. Утверждение о первичности нормы перед свободой — типичный тезис юридического позитивиста, ставящего перед собой цель понять право, исходя из самого права, игнорируя антиномии, вырастающие из самой жизни. Следует признать правильной задачу исследования права в качестве самозамкнутой системы норм, имеющей свои законы и прямо не связанной с жизнью. Догматическое изучение права дает весьма ценное знание, используемое в практических и теоретических целях. Вместе с тем распространение юридико-догматического подхода на метаюридические вопросы зачастую заканчивается научной фальсификацией и замазыванием реальных жизненных проблем. Так, Кельзен, вместо того чтобы признать антиномизм свободы и каузальности и оставить данный вопрос открытым, поторопился заявить, что противоречия здесь никакого нет. В данном случае демонстрируется типичная позиция догматической юриспруденции: главное — практическое решение жизненной проблемы, поиск практических средств, необходимых для правового регулирования. Вопрос истины здесь не стоит, истиной выступает то, что способствует решению практической задачи. Если признать соотношение свободы и каузальности, природы и ценностей неразрешимой проблемой, правосудие остановится, что совершенно невозможно с точки зрения государственной и общественной потребности. Ценностная проблематика ярко высвечивает очевидную односторонность догматической юриспруденции, нацеленной не на поиск высоких истин, а на решение практических задач. Позиция Кельзена выглядит ущербной не потому, что он берется рассматривать вопросы, выходящие за рамки юридико-догматической теории, а потому что он вуалирует кричащие противоречия жизни. Вместо того чтобы прямо сказать о невозможности согласовать свободу и каузальность, мир природы и мир ценностей, он пытается демагогическими приемами замазать это противоречие. Этому есть свое оправдание. Так, судья, вынося приговор о смертной казни, решает для себя не мировоззренческий вопрос о смысле

⁷ См.: Кельзен Г. Указ. соч. С. 118.

⁸ Там же. С. 128.

жизни и смерти, а просто встраивает казнь данного конкретного лица в логику действующего права. Преступление должно быть наказано, рассуждает он, на этом строится правопорядок и общественная безопасность. Назначение смертной казни — не нравственная трагедия, а логика закона, не знающего противоречий.

Фундаментальная юридическая наука и ценности

От догматической юриспруденции фундаментальная юридическая наука, как она сложилась в континентальной Европе и России в XIX — начале XX в., отличалась гораздо меньшим уровнем гомогенности. Главное в отраслевой юридической науке — разработка догмы права, ведущий метод — формально-догматический, поле ее деятельности в основном укладывается в рамки юридической техники, понимаемой в самом широком смысле. Процесс разработки юридической догмы связан с ценностной проблематикой опосредованно. Отраслевика, готовящего кодекс или анализирующего правоприменительную практику, интересуют, конечно, ценностные ориентиры законодателя и общества, но главный предмет его внимания — создание стройной, непротиворечивой системы норм, принципов и конструкций. Техничко-юридическая деятельность по своей природе далека от мировоззренческих проблем, где собственно и встает в полный рост тема ценностей. Философские, религиозные, этические учения, прокатывавшиеся волнами по Европе и России, задевали, конечно, догматическую юриспруденцию, но в основном по касательной. Так, на отраслевую юридическую науку оказали влияние естественно-правовая и историческая школы права, но от этого суть технико-юридической деятельности не менялась. Неюридические компоненты не приживались и не могли прижиться в такой специфической сфере, как юридическая догматика.

Совсем другое дело — фундаментальная юриспруденция, где государство и право рассматриваются, по существу, как социальные явления в различных аспектах их существования. История и теория государства и права, философия права, социология права — это дисциплины, теснейшим образом связанные с мировоззренческими вопросами, с философскими, религиозными, этическими идеями. Все эти дисциплины, по терминологии неокантианцев баденской школы, — науки о культуре, где господствуют не закономерности, не каузальные связи, а сознание, воля и ценности. Фундаментальная юридическая наука изучает политико-правовые явления как факты истории, на основе изучения истории, с привлечением

материалов истории. Факты истории — вот та эмпирическая база, которую берется исследовать ученый-юрист. Историк, теоретик, философ или социолог права, если он стремится к строгим научным выводам, к доказательности своих идей, обязан обращаться к фактам истории и опираться на них. Даже философ права, например, объективный идеалист, как бы высоко он не поднимался в своих обобщениях, отталкивается все же от известной ему реальности, представленной в фактах истории. “Философия права” Гегеля при всей своей абстрактности и туманности нацелена была на осмысление государства и права как эмпирических фактов истории. А между тем человеческая история не знает повторений, она каждый раз уникальна, искать в ней закономерности — пустое дело. Первые фундаментальные работы по философии истории, написанные Гердером и Гегелем, — значительный шаг в осмыслении человеческого бытия, но ограниченность их концепций очевидна. Им удалось сгруппировать известный им исторический материал, показать связь отдельных исторических фактов, но все это было сделано, так сказать, задним умом. Они попытались объяснить ход истории под углом зрения того исторического этапа, на котором сами находились (конец XVIII — начало XIX в.), и подогнать факты истории под имевшуюся наличную действительность. В основу группировки исторических фактов была положена теория прогресса, т.е. известная ценностная шкала. В XIX — первой трети XX в. попытки найти закономерности в истории не прекращались. Наиболее грандиозная — исторический материализм, легший в основу политического движения многих стран мира. Однако две мировые войны и угроза третьей, ядерной, способной уничтожить все живое на Земле, заставило ученых более сдержано, более трезво взглянуть на возможности общественных наук, и в частности на историю. Вряд ли ответственный общественвед готов сейчас дать прогноз на ближайшие 50–100 лет развития человечества. Он рискует стать посмешищем уже в обозримом будущем — так непредсказуемо развивается история. Таким образом, неокантианцы глубоко правы в том, что искать закономерности в истории безнадежно и бессмысленно, факты истории надо скрупулезно описывать и по возможности всесторонне объяснять. Но, как верно заметили основоположники баденской школы В. Виндельбанд и Г. Риккерт, группировка фактов истории и их объяснение всегда строятся на основе каких-то ценностей. Любое историческое исследование, имеющее в виду как-то объяснить исторические факты, опирается на какую-то систему ценностей. Автор может об этом даже не подозревать, но ценностная шкала, на которую он опирается, всегда присутствует. В этом отношении история как наука всегда субъективна,

история политико-правовых учреждений — всегда результат ценностного осмысления, ценностного отбора и ценностного выбора. Историк, теоретик, философ или социолог права, изучая свой предмет, всегда решает для себя мировоззренческую задачу, соотнося те или иные факты истории со своими ценностными установками. Мировоззренческий, ценностный компонент в фундаментальной юридической науке — неизбежная вещь, которую необходимо учитывать и с которой приходится считаться.

Есть мудрое изречение: история учит, что она ничему не учит. И действительно, не видно признаков того, чтобы власть, общество как-то особенно ждали ответов от общественной науки (тем более что общественная наука современного типа появляется лишь в XIX в.). Разумеется, есть накопление и осмысление социального опыта, в том числе в сфере государственно-правового строительства. Опираясь на пережитый опыт, рационализируя его, люди совершенствуют социальные формы, стремятся сделать их максимально эффективными и удобными для себя. Но в данном случае речь идет не о влиянии собственно научных исследований, а о требовании практики. Чтобы прийти к выводу о необходимости гарантий в сфере уголовного и гражданского судопроизводства, не нужно было делать научных открытий, к этому вела суровая практика произвола со стороны власти. Чтобы установить принципы цивилизованного судопроизводства, потребовалось не открытие новых университетов, а сила оружия, примененного к власти со стороны созревшего гражданского общества. Демократическое правовое социальное государство на Западе — не плод политических и юридических наук, а результат практического творчества многих поколений, стремившихся к более комфортной и безопасной жизни. Так что повсеместно мы наблюдаем не влияние общественной науки на дела общества, а скорее параллельное, достаточно независимое друг от друга существование науки и общества. Фундаментальная юридическая наука изучает не закономерности возникновения, развития и функционирования государства и права (их практически нет), а описывает известные политико-правовые формы, опираясь на различные, в том числе ценностные, критерии. Поскольку история политико-правовых учреждений на каждом этапе разная, поскольку ценностные установки исследователей у каждого свои, политико-правовая мысль демонстрирует широчайшую палитру взаимоисключающих идей, концепций, школ и направлений. Неофит, желающий приобщиться к фундаментальной юридической науке, может выбрать концепцию или школу по своему вкусу и ценностному предпочтению. Философия права, социология права, общая теория права за последние 150–200 лет своего существования показали

удивительную пластичность, способность развиваться в самых разных, в том числе прямо противоположных, направлениях. Воззрения на государство и право выстраивались на основе консерватизма, социализма, анархизма, либерализма, фашизма, а также в духе кантианства, гегельянства, позитивизма, марксизма, социал-дарвинизма, прагматизма, феноменологии, экзистенциализма, фрейдизма. В формировании такой обществоведческой мозаики помимо социального интереса и методологических установок важнейшую роль играли и играют ценности. Ценности консерватора, либерала, социалиста или фашиста, гегельянца или марксиста, позитивиста или фрейдиста, несомненно, влияют на результаты исследования. Ценности у философа, социолога или теоретика права выступают своего рода маяком, который не дает ему сбиться с пути якобы объективного научного исследования. Ценности, исповедуемые ученым, во многом определяют результаты исследования. Именно ценностные установки, а не рациональные доводы ложатся в основу так называемых научных дискуссий. Внешне научный спор может выглядеть вполне респектабельно и научнообразно, но, как правило, неспособность договориться свидетельствует не о так называемых теоретических разногласиях, а о диаметрально противоположных ценностных позициях.

В догматической юриспруденции проблема истины решается в аспекте непротиворечивости юридической конструкции: если между нормами нет противоречий, наука пришла к истине. В фундаментальной юридической науке решение проблемы истины означает, что найдено соответствие между знанием и объективными свойствами изучаемой вещи. Истина — это то, что отражает объективные свойства вещей. Имея в виду, что фундаментальная юридическая наука представляет собой противоречивый конгломерат концепций и идей, правомерно задать вопрос: обладает ли она необходимыми познавательными средствами, чтобы установить истину, т.е. такое знание, которое будет признано всем научным сообществом? Возьмем для примера одну из центральных тем философии права, социологии права и общей теории права — природа права. Казалось бы, и феномен права, и сама тема стары как мир и хорошо изучены, но до настоящего времени природа права продолжает оставаться “квадратурой круга” без ясных исследовательских перспектив. В последние десятилетия наши юристы даже ввели специальное понятие “типы правопонимания”, тем самым косвенно подтвердив неспособность науки прийти к единому представлению о праве. Знание о праве целенаправленно растаскивается по разным школам и направлениям подобно тому, как расчленяется вера в Бога между различными конфессиями, общинами и церквями.

Обычно в нашей литературе выделяют три главных типа правопонимания: естественно-правовое, социологическое, юридико-догматическое. Очевидно, что данная типология надстраивается над соответствующими школами права, а за ее рамками оказываются гегельянство, марксизм, психологическая школа права, феноменологическая, экзистенциалистская школы права и др., что мало кого смущает из наших юристов. Данная типология прижилась, как минимум, по двум причинам. Во-первых, существенно упрощается картина политико-правовых идей, что дает возможность более свободно оперировать общими понятиями, не связывая себя бесконечными отсылками к другим направлениям и школам. Во-вторых, такая незатейливая типология, намеренно огрубляя мировую, весьма богатую и разветвленную политико-правовую мысль, позволяет предложить свою теорию, якобы оригинальную и ранее не встречавшуюся, в качестве альтернативы всем трем типам правопонимания. Если не ошибаемся, такую операцию и проделал академик В. С. Нерсисянц, ужав все богатство мировой правовой мысли до примитивной схемы, чтобы найти место своей либертарной теории. Ему последовали другие юристы, начав бойко предлагать свои школы и школки (коммуникативная, постклассическая, интегративная и т.п.), противопоставляя их примитивной триаде правопонимания. Оставляя в стороне вопрос об оригинальности наших новейших теорий права, следует указать на другой важный факт, который либо игнорируется, либо не замечается в силу невысокой философско-методологической культуры: дискуссия наших юристов по теме правопонимания, как правило, является отражением идеологической и ценностной борьбы между почвенничеством и западничеством, либерализмом и социализмом, либерализмом и консерватизмом, светской и религиозной культурой. За внешним фасадом наукообразных доводов и аргументов усматривается конфликт ценностей. Либертарная теория В. С. Нерсисянца, например, естественным образом вырастает из критики советской теории права. Академик не жалеет красок, чтобы представить раннюю советскую правовую мысль (П. Я. Стучка, Е. Б. Пашуканис, М. А. Рейснер) в виде сборища недоумков и дегенератов, способных только к одному — обосновывать красный террор. Либертарная теория — один из ранних постсоветских политических манифестов, демонстрирующих, как говорили в былые времена, “зоологический антикоммунизм”, ненависть к советскому тоталитаризму, казарменному социализму и даже к социальному государству, поскольку от него рукой подать до советской власти. Спорить с В. С. Нерсисянцем и его последователями о сути либертарной теории бесполезно, доказать им что-либо противоположное их

взглядам невозможно, если ты не исповедуешь ценностные ориентиры данной академической группы. Другой пример ценностного конфликта — работы Г. В. Мальцева, где он противопоставляет естественно-правовые теории юридико-позитивистским, а право — государству. Для этого юриста юридико-догматическая юриспруденция — не просто научная школа, это проводник этатистской идеологии, с которой необходимо бороться. Право, доказывает он, возникает до государства, помимо государства и довольно слабо связано с государством⁹. Можно подумать, что здесь речь идет о научных делах, на самом деле мы видим советского человека, который боится наступления нового тоталитаризма и, используя фактуру науки, пытается обосновать ценность права и прав человека. В неявной форме Г. В. Мальцев воспринимает общественную науку как фронт идеологической борьбы, продолжая в этом смысле традицию советского обществоведения. Еще один пример — творчество С. С. Алексеева, который эволюционировал от цивилиста к общей теории права (по большей части догматического характера) и затем к философии права религиозного толка. Внешне это могло выглядеть как расширение границ творчества, тогда как, по сути, наблюдалась эволюция ценностных ориентиров. В своей “Философии права”¹⁰ он не столько исследует природу права, сколько пропагандирует либеральные, западнические ценности — и все это под видом большой науки.

Пример наших позднесоветских юристов, которые на излете советской власти эволюционировали от марксизма к либерализму и религии и под видом научной деятельности занялись пропагандой новых политических и ценностных ориентиров, — обычное дело в общественной науке. Вспомним конфликт естественно-правовой и исторической школы права. Философия естественного права в XVII—XVIII вв. имела по большей части революционное содержание, отражая борьбу буржуазии с абсолютизмом и феодальной аристократией. В основу естественно-правовой идеологии была положена фикция о естественном человеке, по природе свободного и равного другим людям. В контексте концепции естественного человека феодальный порядок представал как глубокое извращение человеческой природы, как искусственное, уродливое уклонение от требований разума и природы, а сословное право, привилегии и абсолютизм рассматривались как институты, подлежащие уничтожению. За идеологией естественных прав стояли не только экономические интересы

⁹ См.: *Мальцев Г. В.* Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М., 2000.

¹⁰ *Алексеев С. С.* Философия права. М., 1999.

буржуазии, но также ценностные установки, присущие западному европейцу. Важнейшая из них — индивидуализм, ощущение личностью собственной ценности, требующей бережного к ней отношения. На этом восприятии строились западная юстиция и правовое государство. Сочинения Г. Гроция, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Дж. Ст. Милля — только рационализация ценностей индивидуализма. Идея врожденных прав и свобод человека — это ни в коей мере не факт реальности, открытый наукой, это ценностная установка, принявшая вид юридической формулы. Историческая школа права, возникшая в Германии в конце XVIII — первой половине XIX в., стала реакцией на революционные изменения в Европе, реакцией феодального дворянства на складывавшийся новый буржуазный порядок. Данная школа отражала не только экономические интересы класса феодалов, она опиралась на ценностные установки сложившейся уже к тому времени германской нации. Обычное право, что и стало предметом защиты со стороны исторической школы права, воплощало в себе ценности национальной культуры. Отказ от обычного права, рассуждали Г. Гуго, Ф. К. Савиньи, Г. Пухта, чреват разрушением традиционного быта и в целом “немецкого духа”. Хотя предложенный данными авторами исторический подход в изучении права и стал серьезным завоеванием юридической науки, историческая школа права не перестала от этого быть манифестом консерватизма, отстаивавшего ценности феодальной культуры. Спрашивается, способны ли были договориться представители двух этих школ, если они стояли на противоположных ценностных позициях? Если естественно-правовая теория отстаивала так называемые общечеловеческие ценности некоего универсального человека, гражданина мира, космополита, то историческая школа права — ценности национальной культуры. За дискуссией о праве стоял ценностный конфликт либерализма и консерватизма, обсуждалась тема способа социальных преобразований — революция или реформы.

Острый ценностный конфликт наблюдался в социалистической идеологии XIX—XX вв. Социалисты разных мастей, и прежде всего основоположники марксизма, называли свое учение наукой, призванной обосновать крах капитализма и неизбежность социализма. Социалистические учения приобретали зрелость и влияние по мере утверждения капитализма. При этом динамика была такова: революционный социализм преобладал в эпоху свободной конкуренции, когда эксплуатация пролетариата и его нищета достигали наивысшего уровня, реформистский — с конца

XIX в., когда благосостояние трудящихся масс заметно выросло, появились первые социальные гарантии. Дискуссия между реформистами и революционерами касалась природы государства и права. Первые (Ф. Лассаль) полагали, что государство — общечеловеческий институт, который в случае использования всеобщего избирательного права способен трансформироваться и стать средством проведения социалистических преобразований. Марксисты им возражали, доказывая, что природа государства всегда имеет классовый характер, а потому буржуазное государство трансформации не подлежит, его необходимо разбить. Внутри самого “научного социализма” сложилось влиятельное направление во главе с К. Каутским и Э. Бернштейном, отрицавшими необходимость революционных (вооруженных) форм борьбы при переходе к социализму. Дискуссия между революционерами и реформистами как будто носила строго научный характер, но, по существу, все понимали, о чем идет речь: движение к социализму оправдывает гибель и физические страдания миллионов людей или нет. По сути, это была не научная дискуссия, а пропаганда того или иного ценностного выбора. Та же проблема стояла и внутри социал-демократического движения в России. Большевики во главе с В. И. Лениным доказывали возможность социалистической революции в России и, соответственно, построения социализма “в одной, отдельно взятой стране”. Меньшевики, ведомые Г. В. Плехановым и Ю. О. Мартовым, отстаивали противоположную позицию: экономические и политические условия в стране не созрели для социалистических преобразований, поэтому вопрос о социалистической революции в повестке дня не стоит, для начала в России должен появиться нормальный капитализм и либеральная демократия. Позицию Ленина критиковали и западноевропейские марксисты, например К. Каутский, который после прихода к власти большевиков дальновидно предрек наступление в России не социализма, а партийной диктатуры и массового террора против своего народа. Ленин, как известно, откликнулся работой “Пролетарская революция и ренегат Каутский”. За всей этой так называемой теоретической дискуссией стоял все тот же конфликт ценностей: движение русского народа по пути к социализму оправдывало гибель миллионов людей или нет. Еще Ф. М. Достоевский в романе “Бесы” поставил этот, пожалуй, главный вопрос русской жизни просто, ясно и пронзительно остро. Данный спор продолжается и в настоящее время, и он также не научный, а ценностный.